Р-89

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

9.

РОСТОВ. Й. МУЗЕЙ 265/3

Стр.

5. Изъ писемъ **А. Я. Булгакова** къ его брату. 1827-й годъ.

43. Изъ воспоминаній **Д. В. Бартенева.** (Укрощеніе Еврейскаго погрома въ городѣ Борзнѣ)

49. Изъ Записокъ **М. С. Сабининой.** (1857—1858-й г.г.).

81. Записки **графа М. Д. Бутурлина.**

120. Первый проѣздъ императора Николая Павловича по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. **В. М. Шимана.**

125. О происхожденіи патріарха Филарета. Замѣтка **Д. М. Глаголева.**

126. Человѣколюбіе Петербургскихъ Англичанъ. **Г. Т.**

127. Замѣчательная надгробная надпись.

Въ приложеніи.

Дневникъ статсъ-секретаря Екатерины Великой А. В. Храповицкаго. 1791—1793.

27392

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1857-й годъ *).

28-го Сентября. Возобновились мои уроки у принцессы Маріи. Давать уроки дѣтямъ царственныхъ особъ отличается во многомъ отъ уроковъ, которые даютъ дѣтямъ другихъ смертныхъ. Нужно взять во вниманіе всѣ требованія, которыя ставятъ имъ. Во-первыхъ, ихъ время всегда ограниченное, и слишкомъ много требованій ставится имъ въ обязанность; значитъ, когда другія дѣти, согласно дарованію, могутъ на что-нибудь удѣлять побольше времени, у дѣтей царственныхъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ механическая часть всякаго искусства требуетъ много времени для своей разработки, значитъ, отъ нея приходится отказаться, а все свое вниманіе обратить на то, чтобы возбудить въ ребенкѣ пониманіе и правильную оцѣнку, напримѣръ музыки, потому что для нихъ еще нужнѣе умѣть правильно судить и цѣнить искусство, чѣмъ для другихъ: отъ нихъ зависитъ процвѣтаніе его.

30-го Сентября. Государь и Императрица пріѣхали навѣстить свою тетушку, а на слѣдующій день (1-го Октября) прибылъ и императоръ Францъ-Іосифъ. Это было какъ бы примиреніе послѣ Венгерской кампаніи, и наша великая княгиня, которая очень сочувствовала Австріи и мнѣніямъ князя Метерниха, была довольна, что Россія забыла измѣну Австріи. Былъ парадный обѣдъ и théâtre-gala, гдѣ подъ управленіемъ Листа шелъ Тангейзеръ.

3-го Октября. Была всенощная. Обыкновенно ея никогда не служили въ церкви великой княгини, а отецъ долженъ былъ служить ее для себя дома; но теперь, ради присутствія Ихъ Величествъ въ Веймарѣ, великая княгиня приказала ее отслужить. Я никогда не понимала, почему великая княгиня, имѣя свою церковь и всѣхъ нужныхъ служащихъ, не дозволяла этой службы. Причину этого нужно отнести ко времени ея воспитанія, къ царствованію Екатерины II-й. Императоръ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, книги I-ую и II-ую.

Николай Павловичъ, какъ и Александръ II-й, тоже не ходилъ ко всенощной, за исключеніемъ когда онъ говѣлъ и Вербной Субботы; великимъ княжнамъ Маріи, Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ не разрѣшалось ходить ко всенощной. Великая княжна Александра Николаевна была очень набожна и иногда украдкой присутствовала у всенощной. Но великая княжна Марія Александровна и великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, пока они были дѣтьми, посѣщали вечернія службы.

4-го Октября. Ихъ Величества, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, королева Голандская и великая княгиня Марія Павловна съ сыномъ и невѣсткою присутствовали у обѣдни въ Православной церкви. Въ 12 часовъ Ихъ Величества уѣхали въ Россію.

Днемъ я была на музыкальномъ утрѣ у Листа, гдѣ была его дочь Козима (уже г-жа фонъ Бюловъ). Листъ игралъ вмѣстѣ съ Зингеромъ и Косманомъ два тріо, Бранда и Гольдбека.

6-го Октября. Я была съ визитомъ у новобрачныхъ, т. е. у г. фонъ Бюлова съ женою; онъ, какъ будто, сталъ смирнѣе.

Въ 3 часа я была на урокѣ у Листа, а вечеромъ пришелъ Таузигъ. Благодаря его росту, всѣ считали его за мальчика. Онъ очень любилъ моего брата Ивана, у котораго была мягкая, добрая душа.

7-го Октября. Я кончила свой мужской хоръ на слова С. А. Рачинскаго «Св. Францискъ», который хотѣла посвятить Листу. Но передъ тѣмъ, не полагаясь на свою собственную критику, я попросила Лассена пересмотрѣть со мной эту композицію, и тогда только отдала переписать голоса, чтобы можно было ее пропѣть.

Ко дню рожденія Листа (22-го Октября) хотѣли устроить ему особую овацію. Неутомимый г-нъ Штейнкеръ взялся написать подходящее къ этому дню стихотвореніе. Княгиня Витгенштейнъ предоставила нѣсколько комнатъ для устройства сцены живыхъ картинъ и исполненія музыкальной программы, такъ что, при общемъ стараніи, каждый принялся писать, играть и учить наизустъ. Бюловъ очень любезно взялъ на себя устройство музыкальной части вечера.

22-го Октября. Утромъ я принесла Листу отъ имени моихъ родителей, сестеръ и своего сердечныя поздравленія. Вечеромъ, когда собрались всѣ, принимавшіе участіе въ предполагаемомъ чествованіи Листа, его пригласили придти.

Интересно было мнѣ познакомиться съ Робертомъ Францомъ, который, послѣ Франца Шуберта и Роберта Шумана, неоспоримо самый выдающійся и плодовитый Нѣмецкій писатель романсовъ. Къ несчастью онъ былъ очень глухъ, такъ что вести съ нимъ разговоръ было нелегко. Его внѣшность соотвѣтствовала характеру его романсовъ: онъ

былъ внушителенъ, сосредоточенъ, какъ будто бы душа его витала надъ всѣмъ и всѣми.

Въ этотъ день въ Парижѣ состоялась свадьба Бландины Листъ съ демократическимъ депутатомъ Парижа, адвокатомъ (avocat au bureau de Paris) Эмилемъ Оливье, который былъ министромъ при Наполеонѣ III-мъ, при паденія его имперіи. Листъ далъ согласіе на этотъ бракъ, самъ лично не зная своего зятя; но общее мнѣніе о немъ говорило въ пользу какъ его характера, такъ и дарованій.

28-го Октября. Вечеромъ Листъ пришелъ къ намъ и игралъ со мной въ четыре руки марши и дивертисментъ Шуберта, затѣмъ разныя свои вещи. У насъ были еще Анна фонъ-Эйхель, Женни Герстенбергъ, г-жа Тейцманъ, Лассенъ, Е. Генастъ, Суппе, М. ф. Бёйльвитцъ; они всѣ рады были услыхать лишній разъ Листа, который игралъ только при дворѣ, всегда у насъ, когда его просили, и очень рѣдко у другихъ знакомыхъ.

Анна фонъ-Ейхель ежегодно проводила зиму на Югѣ, ради здоровья. Она и теперь собиралась въ Римъ и, пріѣхавъ въ Веймаръ, пригласила меня ѣхать съ ней и ея матерью, которая почти всегда ей сопутствовала. Чтобъ видѣть Италію, я не могла желать себѣ лучшаго чичероне. Меня только стѣсняла мысль опять просить отпуска у гросъ-герцогини Софіи послѣ того, что въ предшествовавшую зиму я пользовалась имъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ; но съ другой стороны жаль было упустить такой хорошій случай видѣть Италію, о чемъ я только и мечтала. Наконецъ, я рѣшилась деньги, скопленныя мною собственными трудами, употребить на это путешествіе, такъ какъ изученіе художественныхъ коллекцій Италіи имѣетъ большое воспитательное значеніе. Я передала свою просьбу Э. Фрорипъ, воспитательницѣ герцогини Саксонской, которая, сообщивъ ее отсутствовавшей гросъ-герцогинѣ Софіи, получила отъ нея согласіе.

22-го Ноября. Листъ возвратился изъ Дрездена. Я посѣтила его на слѣдующій день и, когда сообщила ему о своемъ намѣреніи провести слѣдующую зиму въ Италіи, онъ предложилъ дать мнѣ два письма: одно маркизѣ Мартеллини во Флоренціи, а другое къ Ландсбергеру въ Римѣ. «Маркиза Мартеллини, рожденная графиня Нóбили, сказалъ онъ, своего рода графиня Фритшъ во Флоренціи: всѣ являются къ ней на поклонъ. Для меня она была необыкновенно любезна и въ 1839 г. заступилась даже за меня передъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Ландсбергеръ своего рода Фигаро, который устраиваетъ у себя музыкальныя собранія, отдаетъ въ наемъ рояли и ноты». Далѣе Листъ разсказывалъ, что въ Дрезденѣ онъ видѣлся съ К. К. Павловой, которая въ его честь устроила вечеръ, «Celebritäten-

Soirée», какъ иронически выразился Листъ. Между прочими приглашенными были Девріенъ и Дависонъ, личные враги. Но Девріенъ въ это время оказался въ Ганноверѣ, а Девисонъ не пришелъ. Изъ присутствовавшихъ на вечерѣ былъ В. Вольфсонъ, написавшій трагедію «Nur eine Seele», которая въ Дрезденѣ давалась довольно успѣшно. Слухъ о «Celebritäten-Soirée» распространился по Дрездену, также какъ и вѣсть объ отсутствіи враговъ; по этому случаю Дрезденцы сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: присутствовала «nur eine Seele». Манія быть знаменитой (célèbre), видѣться и быть знакомой со знаменитостями (célébrités) доходила у К. К. Павловой до болѣзненнаго. На вечерѣ у г-жи Ф. Серръ, гостепріимный домъ коей служилъ мѣстомъ соединенія всѣхъ выдающихся личностей, Павлова подошла къ Листу и говоритъ ему: «Гдѣ же знаменитости (célébrités) сегодня вечеромъ?» Листъ, указывая на нее и на себя, отвѣчаетъ ей: «А мы?» Скульпторъ Ритчель, у котораго была своя мастерская на Брюлевской терасѣ въ Дрезденѣ, обратился къ Листу, очень не въ духѣ: «Дайте мнѣ, пожалуйста, средство, чтобы избавиться немного отъ г-жи Павловой; она не только приходитъ ко мнѣ, но даже стережетъ меня на улицѣ». Она умна, но очень неудобна, прибавилъ Листъ.

«Въ Дрезденѣ, продолжалъ Листъ, я встрѣтился съ І. Іоахимомъ, который разошелся со мною уже нѣсколько лѣтъ. Въ прошломъ Сентябрѣ я приказалъ его пригласить отъ моего имени въ Веймаръ, ко дню открытія памятниковъ Гёте и Шиллера; но въ отвѣтъ на это получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ объяснялъ свой отказъ пріѣхать тѣмъ, что, не смотря на его глубокое уваженіе ко мнѣ лично, онъ не можетъ пріѣхать, въ виду противоположности его мнѣній въ музыкальномъ отношеніи съ моими. Будучи въ Дрезденѣ, я узналъ, что Іоахимъ живетъ въ одной гостинницѣ со мною и написалъ ему нѣсколько строкъ; онъ явился ко мнѣ. Я его принялъ словами: «Я знаю, что моихъ сочиненій ты не признаешь; пиши, говори, дѣлай противъ меня, въ музыкальномъ отношеніи, все, что хочешь. Я не могу сказать, чтобъ эти отношенія меня радовали, но разъ этого нельзя измѣнить, то пусть хоть наши личныя отношенія остаются хорошими, и не доставляй филистерамъ удовольствіе говорить, что мы оба хватаемся за волосы. Изо всѣхъ членовъ артистическаго міра мы двое принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые могутъ подать другъ другу руку». Іоахимъ казался тронуть моими словами; мы видѣлись нѣсколько разъ и, кажется, личныя наши хорошія отношенія возстановлены». Говоря Іоахиму о родѣ своихъ сочиненій и о своей манерѣ сочинять, Листъ сказалъ ему: «Не думай, что я такъ пишу изъ тщеславія; Богу извѣстно, что кромѣ заботъ, скуки и непріятностей, я ничего отъ этого

не получаю». Но Іоахимъ возразилъ ему на это, что Листъ изъ упрямства не хочетъ прислониться къ старому и общепринятому. Листъ отвѣчалъ, что объ этомъ онъ вовсе не думаетъ, а пишетъ по внутренному убѣжденію, что ему рѣшительно все равно, сумасшествіе ли это съ его стороны, или въ свое время принесетъ плоды. Онъ уподобилъ себя лошаку, который съ наглазниками всходитъ на крутую гору, не заботясь о томъ, что у него лежитъ по правой и лѣвой сторонѣ. Сочиненія Іоахима очень нравились и доставляли удовольствіе Листу.

Во время своей Дрезденской поѣздки, Листъ остановился въ Лейпцигѣ, музыкальный міръ котораго составлялъ ему сильную оппозицію. Но Листъ прибавилъ: «Я даю этой оппозиціи отъ трехъ до четырехъ лѣтъ существованія. Ихъ свѣчка скоро догоритъ; поэтому я нахожу излишнимъ вести съ ними чернильную войну, что я и сообщилъ Бюлову». (Извѣстно, что Бюловъ, въ своихъ литературныхъ работахъ, не щадилъ вожаковъ оппозиціи Лейпцига противъ Веймара). Продолжая говорить о Лейпцигѣ, Листъ разсказалъ, «какъ на прошлой недѣлѣ, за однимъ ужиномъ, на которомъ были А. Г. Рубинштейнъ «murrando»*), какъ его называлъ Листъ, когда А. Г. бывалъ не въ духѣ, (нѣкоторые) изъ артистовъ съ восторгомъ говорили о высокомъ наслажденіи, которое имъ доставили симфоніи Гайдна, изъ коихъ многія были играны за послѣднее время въ концертахъ въ Лейпцигѣ. Для Рубинштейна это было слишкомъ сильно; онъ крикнулъ лакею: Дайте мнѣ стаканъ Гайдна, то-есть, воды. Но эти слова привели въ негодованіе многихъ изъ присутствовавшихъ артистовъ, и Рубинштейнъ сталъ у нихъ на плохомъ счету.

Изъ произведеній Рубинштейна, игранныхъ тогда въ Лейпцигѣ, довольно хорошо были приняты его симфоніи; во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ его тріо. Листъ находилъ, что этотъ періодъ работъ Рубинштейна переходный, но надѣялся, что изъ него выйдетъ что-то большое, если только въ немъ окажется достаточно творческой силы. «Вы знаете», продолжалъ Листъ, «какъ высоко я цѣню талантъ Рубинштейна, вотъ почему я и говорю это откровенно. Въ развитіи Рубинштейна два періода: дѣтскій и настоящій, переходный. До сихъ поръ онъ слишкомъ колеблется и прислоняется къ разнымъ школамъ, напримѣръ, къ школѣ Мендельсона. Положеніе Рубинштейна, написавшаго послѣ Гайдна ораторію «Сотвореніе міра», было очень трудное, напримѣръ, вновь произвести звѣрей, растенія и т. д. Рубинштейнъ ввелъ свѣтъ съ піаниссимо; у Гайдна вступленіе свѣта фортиссимо.

*) Вѣроятно отъ Нѣмецкаго слова murren —ворчать.

Въ «Потерянномъ Раю» Рубинштейна (къ поэмѣ Мильтона) нѣсколько чудныхъ хоровъ, напримѣръ, когда добрые духи сражаются противъ злыхъ. Что̀ мнѣ мѣшаетъ, это голосъ Бога-Отца; по моему это непристойно.. Но я бы желалъ давать его эту зиму».

1858-й годъ.

Не смотря на то, что наступилъ канунъ моего отъѣзда въ Италію и мысли мои стремились къ Югу, а сердце къ больному брату въ Римъ, я не хотѣла пропустить репетиціи концерта, ежегодно исполнявшагося, по желанію нашей великой княгини, при дворѣ, вечеромъ 1-го Января. Концертомъ управлялъ Листъ. Изъ вещей для оркестра повторяли двѣ: увертюру Фетиса, очень хорошо инструментованную и благодарную, какъ для исполнителей, такъ и для слушателей, и каприччіо въ видѣ увертюры, Аррагонскую Хоту Глинки, вышедшую въ свѣтъ только послѣ его смерти. Это геніальное сочиненіе, типичное и мелодичное, исполненное граціи и музыкальной прелести, расшевелитъ какую угодно публику. Повторяли также отрывокъ, хоры и соло, изъ неоконченной оперы «Лорелей» Мендельсона. Отрывокъ оперы написанъ въ семитическомъ духѣ Мендельсоновскихъ произведеній: ласкающій ухо и звучный, онъ ловко проскальзываетъ мимо уха и сердца. Драматическая часть отрывка слишкомъ новомодна. Сказка о Лорелеѣ— старинная Нѣмецкая и, для передачи ея въ формѣ оперы, требуется болѣе Германскій средне-вѣковый характеръ музыки. Вотъ почему я не согласна съ характеромъ отрывка Мендельсона. Изъ солистовъ въ концертѣ участвовалъ скрипачъ Бацини, съ очень широкимъ смычкомъ, но не достигшій еще сказочной техники своего маэстро, Сивари. Онъ игралъ концертъ и «La ronde des lutins» собственнаго сочиненія; музыкальной цѣны эти вещи не имѣютъ. Пѣла молодая дѣвица Баумъ арію Россини и «la Zingara» Доницетти.

2-го Января. Простившись съ дорогою моею семьею и съ провожавшими меня друзьями, я пустилась въ дальній путь. Мать моя провожала меня до Эйзенаха, гдѣ ко мнѣ въ купэ вошли мои спутницы, г-жа фонъ-Эйхель и ея дочь Анна.

Около Фридберга мы свернули въ сторону, въ имѣніе Ильбенштатъ, принадлежавшее сестрѣ г-жи фонъ-Эйхель, графинѣ Лейнингенъ. Болѣзненное состояніе моей подруги требовало ежедневныхъ остановокъ, вслѣдствіе чего мы употребили на проѣздъ изъ Беймара въ Римъ семнадцать дней. Эти остановки давали мнѣ возможность осматривать разные города, которыхъ я еще не знала, а главное не утомляться, такъ какъ цѣлью моего путешествія на Югъ было возстановленіе моего здоровья, которое очень пошатнулось отъ сильнаго напряженія.

Уже въ Марсели, гдѣ мой кашель сталъ проходить, я почувствовала, что Югъ и устраненіе всякихъ занятій мнѣ помогутъ. Грудь еще болѣла, но этому, вѣроятно, содѣйствовала ѣзда по желѣзной дорогѣ.

Мы двинулись далѣе по желѣзной дорогѣ, еще не оконченной на всемъ протяженіи избраннаго нами пути. Изъ Мюльгаузена до Безансона намъ пришлось ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ. Это былъ первый разъ, что я пріѣхала во Францію. Утромъ въ Безансонѣ, отправившись гулять по городу, я была поражена живостью народа. На улицахъ говорили на непонятномъ мнѣ патуà, сопровождая безконечными жестами громкій разговоръ; назойливые мальчишки преслѣдовали прохожихъ предложеніемъ почистить ихъ обувь; другіе выкрикивали жареные каштаны, которые готовили тутъ-же на жаровняхъ, мѣшая ихъ натуральными своими ложками, т. е. пальцами. Полицейскіе, съ большими треуголками на головахъ, въ мундирахъ, обшитыхъ серебрянымъ галуномъ, мѣшались повсюду; солдатъ, съ лицомъ настоящаго sans-souci, художественно драпированный въ своей ротондѣ, болталъ или хохоталъ съ женщинами въ круглыхъ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями; торговки выкрикивали свой товаръ, зелень, фрукты, рыбу и т. д., и, сидя одна возлѣ другой на базарной площади, образовали своими шляпами громадное соломенное море; крестьянки возили въ деревянныхъ телѣжкахъ, запряженныхъ собаками, молоко для продажи; словомъ, всюду оживленіе, беззаботность и натуральность, и выносишь впечатлѣніе, что народъ пользуется полнѣйшей свободой, не стѣсненной никакими законами; присмотрѣвшись же поближе, узнаёшь, что лишь Французское легкомысліе помогаетъ имъ такъ относиться къ жизни.

Въ Безансонѣ уже южное устройство домовъ: каменные полы, камины съ прямыми трубами, замѣняющіе сѣверныя печи, тонкія стѣны, черезъ которыя свободно проникаетъ наружный воздухъ.

Отъ Ліона желѣзная дорога слѣдуетъ по лѣвую сторону Роны, которая извиваетъ свои свѣтло-зеленыя, прозрачныя, какъ стекло, воды по живописной долинѣ. На противоположной сторонѣ Роны, въ мягкомъ контурѣ поднимается хребетъ горъ, la Côte d'or, окрашенныхъ въ нѣжный южный оттѣнокъ.

Проѣзжая Авиньонъ, мы незамѣтно въѣзжали въ благодатную Прованс. Дома отличаются южной архитектурой: плоскія крыши, веранды и малое число оконъ—ихъ характеристичныя черты. Деревни, большей частью, расположены вдоль горъ; ихъ дома, прислонившись къ скаламъ, разсѣяны въ живописномъ безпорядкѣ. Природа полна южной растительности, съ вѣчнозеленою листвою и кустарниками. Кипарисъ стройно поднимаетъ къ небу свою темную, плотно соединен-

ную зелень; масличныя деревья, съ листвой сѣро-сине-зеленаго цвѣта, покрываютъ откосы горъ, и между ними, художественно развѣтвляясь, какъ истый царь деревьевъ, гордо стоитъ вѣчнозеленый дубъ. На всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги видны лавры и цвѣтутъ еще розы и львиный зѣвъ. Нельзя передать, какъ видъ такой полной жизни природы дѣйствуетъ на сѣвернаго человѣка, привыкшаго цѣлые мѣсяцы видѣть унылое, безконечное, бѣлое одѣяло, покрывающее весь кругозоръ.

При закатѣ солнца, вдали виднѣлась горная цѣпь морскихъ Альпъ, залитыхъ ярко-розовымъ оттѣнкомъ (Alpenglühen).

Черезъ Марсель мы отправились моремъ дальше въ Геную. Она очаровала меня своимъ мѣстоположеніемъ и чудными старинными дворцами, которые большей частью оставлены своими прежними владѣльцами—Генуезскими дворянами (nobili), и превращены въ гостиницы, присутственныя мѣста, или въ казармы. Грустно вспомнить о прежнемъ величіи и богатствѣ Генуи, отъ которыхъ теперь осталась одна только тѣнь. На улицахъ жизнь еще болѣе развита, чѣмъ во Франціи, благодаря болѣе теплому климату. Итальянское «dolce far niente» очень характерно выражается у этого лѣниваго, неопрятнаго и ограниченнаго народа.

Осмотрѣвъ Геную, Ливорно и Пизу, мы, наконецъ достигли Чивитта-Веккіи, гдѣ ночевали; а оттуда въ экипажѣ отправились въ вѣчный городъ.

Покинутая кампанья кругомъ Рима тянется въ мягко-очерченныхъ холмообразныхъ формахъ, съ нѣжнѣйшими оттѣнками. Слѣды жизни исчезли изъ нея; встрѣчаются только остатки прежняго величія, развалины домовъ и дачъ, акведуковъ, мостовъ и гробницъ. Даже природа въ ней точно замерла: кое-гдѣ виднѣется осиротѣвшее дерево, или кустарникъ, болѣзненно питающійся малярійнымъ воздухомъ кампаніи. Все, что здѣсь было и цвѣло, обросло мелкой травой. Но эта пустыня невыразимо-чарующимъ образомъ проникаетъ въ душу человѣка; ее любишь, она плѣняетъ своей глубокой грустью, раздирающей сердце тоской. Эта пустыня, эта безлюдность такъ уныло дѣйствуютъ на человѣка, что нельзя себѣ представить, что вблизи есть какое-нибудь человѣческое жилье. Нашъ почталіонъ, вѣроятно тоже подъ вліяніемъ пустыни, задремалъ, и мы очутились опрокинутыми въ канаву. Намъ пролежать бы тамъ цѣлый день, если бы, на наше счастье, не увидѣли мы партію желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которые и помогли намъ поднять экипажъ. Этотъ неожиданный сюрпризъ занялъ нѣсколько часовъ, и нашъ пріѣздъ въ Римъ на много опоздалъ. Но вдругъ вдали показался куполъ собора Св. Петра, освѣщенный вечернею зарею.

Мы въ Римѣ. Не предчувствовала я, сколько горя принесетъ мнѣ этотъ вѣчный Римъ.

18-го Января. Пока окончили визировку паспортовъ и осмотръ багажа таможенными чиновниками, и пока мы доѣхали до Hotêl d'Angleterre, было уже такъ поздно, что я рѣшила только на слѣдующій день отыскать своихъ братьевъ, Ивана и Василія.

19-го Января. Г-жа фонъ-Эйхель вмѣстѣ со мной отправилась къ моимъ братьямъ; пріѣзжаемъ, ихъ нѣтъ дома. Это меня поразило. Возвращаюсь домой; меня встрѣчаетъ братъ Иванъ, лица на немъ нѣтъ. Мой первый вопросъ: что Василій?—Отвѣта нѣтъ; я угадала страшную дѣйствительность. Сердце разрывалось отъ боли. Мои бѣдные родители! Не легко потерять такого даровитаго сына, 21-го года. Его похоронили на Cimiterio dei Protestanti, близъ пирамиды Цестіуса. Недалеко отъ его могилы покоится прахъ Брюлова и сына Гёте. 7-го Января онъ пріобщался и скончался на другой день. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ звалъ насъ всѣхъ по именамъ и говорилъ брату, что будетъ съ ангелами. На каминѣ стояло распятіе; онъ попросилъ брата дать его ему и, поцѣловавъ его, скончался. 10-го, въ Воскресеніе, его похоронили. Русскіе художники въ Римѣ его провожали и пѣли на его похоронахъ: Ивановъ, Плѣшановъ, Ксенофонтовъ, Венигъ и еще другіе, именъ которыхъ я не знаю. Въ Римѣ онъ прожилъ всего одинъ мѣсяцъ. Я нахожу варварствомъ со стороны врачей посылать безнадежнаго больнаго такъ далеко отъ его семейства; такому больному умирать на чужбинѣ только усложняетъ его страданія.

Нелегко мнѣ было съ братомъ Иваномъ; онъ бродилъ, какъ тѣнь и не на что не могъ рѣшиться: ни рисовать, ни писать, ни пойти ко мнѣ или къ другимъ; словомъ, я съ ужаснымъ безпокойствомъ слѣдила за нимъ, какъ и всѣ мои знакомые, знавшіе его раньше. Я надѣялась, что, какъ стипендіатъ Академіи Художествъ, онъ находится подъ надзоромъ и руководствомъ какого-нибудь художника; но какъ онъ самъ, такъ и другіе мнѣ сказали, что всѣ они живутъ отдѣльно и дѣлаютъ, что хотятъ. Гедеонову, жившему тогда въ Римѣ, порученъ былъ надзоръ за стипендіатами Академіи; но говорили, что въ дѣлѣ искусства онъ ничего не понималъ. *) Въ письмѣ къ отцу я писа-

*) Императоръ Николай Павловичъ пріобрѣлъ въ Римѣ, въ лучшемъ мѣстѣ, цѣлую десятину земли для раскопокъ, дабы не тратить денегъ на поддѣльныя древности (изготовленіемъ которыхъ такъ успѣшно занимаются Итальянцы). Въ слѣдующее царствованіе, при Гедеоновѣ, эта десятина промѣнена святѣйшему отцу-папѣ на древнюю статую, нынѣ красующуюся въ нашемъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Знатокъ древностей Русскихъ, Гедеоновъ—сынъ директора театровъ, котораго читатели „Русскаго Архива“ знаютъ по письмамъ А. Я. Булгакова. П. Б.

ла: «Я-бы очень хотѣла, чтобъ Иванъ поддерживалъ личныя сношенія съ Корнеліусомъ, Виттихомъ, Леманомъ и другими художниками старше его; но онъ болѣе чѣмъ странно смотритъ на это мое предложеніе. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ по вечерамъ бываетъ у Софіи Дмитріевны Сухово-Кобылиной, гдѣ кружокъ молодыхъ Русскихъ художниковъ собирается и рисуетъ костюмы; но для него, я повторяю нужна болѣе серьезная поддержка. Онъ такой ипохондрикъ; не знаю, что съ нимъ дѣлать. Ольга Грантъ (моя подруга изъ Веймара) съ мужемъ навѣщала часто больного и умирающаго Василія, и говоритъ, что Иванъ, послѣ смерти брата, растерялся, и они не знали, что съ нимъ дѣлать.»

Вернувшись съ дорогой могилы, мы проѣхали мимо Форума Романума. Видя это величіе, я разрыдалась.

20-го Января пріѣхали къ намъ скульпторъ К. Виттихъ, впослѣдствіи директоръ Дюссельдорфской Академіи, и художникъ Родольфъ Леманъ, оба давнишніе знакомые моихъ друзей.

24-го Января. Мы были у вечерни въ монастырѣ монахинь ордена «Sacré Coeur», Trinita dei Monti, находящемся надъ Piazza di Spagna. Монахини пѣли чисто, согласно, и между ними слышались хорошіе голоса; но то, что онѣ пѣли, доказывало только полнѣйшій упадокъ церковнаго пѣнія въ Италіи. По характеру своему, это не была ни церковная, ни свѣтская музыка, но изъ двухъ скорѣе послѣдняя. Всѣ композиціи носили характеръ то какого-то рондо-аллегро, то рондо-вивачче; словомъ, я была вполнѣ разочарована. Думала: поѣду въ соборъ Св. Петра; тамъ, должно быть, будетъ лучше.

26-го Января. Насъ посѣтилъ Прусскій посланникъ въ Римѣ, Г. фонъ-Реумонтъ, ученый знатокъ Италіи. Его безобразная наружность вошла въ поговорку въ Римѣ. Въ своей жизни я встрѣчала только еще одного человѣка съ такою наружностью: это былъ Андерсенъ, Датскій писатель сказокъ. У обоихъ лица были сморщенныя, а оконечности до того длинны, что руки висѣли ниже колѣнъ, что придавало имъ особое сходство съ обезьяною.

27-го Января. При входѣ въ храмъ Св. Петра, изъ одной боковой капеллы до меня долетѣли звуки органа, игравшаго Польку. Я не вѣрила своимъ ушамъ, но, подойдя ближе, убѣдилась, что не ошиблась. Шла вечерня, запѣли пѣвчіе; но грустно было сказать себѣ, что поютъ потомки того народа, который съ гордостью называлъ своими гражданами Палестрини, Перголезе, Лотти, Витторіо и многихъ другихъ геніальныхъ писателей церковной музыки. Во всѣхъ церквахъ Италіи пѣніе весьма непріятно сопровождается стукомъ палки или свертка бумаги регента, который отбиваетъ имъ не только четверти, но и вось-

мыя. Опять съ моей стороны полное разочарованіе. Я столько читала о папскихъ пѣвчихъ, что ѣхала въ Римъ въ надеждѣ, что услышу небесное церковное пѣніе; но, увы, упадокъ искусства и въ этомъ оказался полнѣйшій.

Послѣ смерти брата меня такъ и тянуло домой. Хотя, благодаря Югу, я меньше кашляла и боль въ груди стала слабѣе, но съ моей стороны было-бы неблагоразумно опять ѣхать на Сѣверъ, и мои друзья слышать не хотѣли о моемъ отъѣздѣ, а родители мои настаивали на томъ, чтобы я оставалась въ Римѣ, и ради своего здоровья, и ради брата Ивана. Мнѣ же Римъ казался еще серьезнѣе и величественнѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ представился бы мнѣ, если бы не убивало меня грустное чувство потери брата.

28-го Января. Мы пошли въ Колизей и на Форумъ-Романумъ. Съ чувствомъ глубокаго волненія ставишь ногу на землю, на которой разыгралась часть всемірной исторіи, гдѣ жили, боролись и мучились герои, гдѣ, начиная съ воспитанія Ромула и Рема у соска волчицы, до могущественныхъ цезарей, папъ и до настоящаго дня, исторія можетъ разсказать столько, какъ ни въ одной странѣ на свѣтѣ. Видя теперь лишь остатки великолѣпныхъ построекъ этихъ гигантовъ, пережившихъ монархію цезарей, могущество папъ, и перешедшихъ и въ нашъ изнѣженный вѣкъ, невольно изумляешься генію художника, которому возможно было начертить планы подобныхъ вѣковыхъ монументальныхъ сооруженій. Сердце сжимается при видѣ того, что въ четырнадцатомъ столѣтіи средневѣковый вандализмъ не щадилъ этихъ неоцѣненныхъ остатковъ: на постройку новыхъ дворцовъ расхищали кирпичъ и ровные каменные блоки, служившіе для сооруженія Колизея. Изъ разрушеннаго Колизея выросли многіе дворцы; назову только палаццо Венеція и Фарнези. Папа Пій VII положилъ конецъ этому дикому расхищенію и приказалъ укрѣпить откосами разрушенные концы стѣнъ.

Посреди арены вооруженъ большой черный крестъ, а кругомъ всей арены четырнадцать алтарей, съ изображеніемъ страстей Господнихъ; въ продолженіе великаго поста поютъ тамъ вечерню «Ave Maria», а по пятницамъ, въ 2 часа дня, монахъ, священникъ проповѣдуетъ о страстяхъ Спасителя. При насъ проповѣдывалъ на Французскомъ языкѣ извѣстный Капуцинскій монахъ; онъ призывалъ грѣшниковъ къ покаянію. Прочувствованной рѣчью своею онъ глубоко поразилъ своихъ слушателей: это была всеобще-христіанская рѣчь, безо всякой примѣси католицизма. И онъ очень умѣстно вспоминалъ въ ней о всѣхъ мученикахъ, которые были здѣсь умерщвлены за вѣру Христіанскую.

Но какая удивительная акустика въ этомъ Колизеѣ! Гдѣ бы ни стоять, вездѣ внятно слышно каждое слово проповѣди.

24-го Января. Петеръ фонъ-Корнеліусъ, украшенный лаврами вождь Нѣмецкихъ художниковъ, пригласилъ насъ пріѣхать къ нему въ ателье, посмотрѣть на большую, только, что оконченную имъ картину «Положеніе во гробъ». Корнеліусъ большею частью рисуетъ карандашемъ или углемъ; вотъ почему очень рѣдко приходится видѣть его картину, писанную красками. На меня она произвела сильное впечатлѣніе выраженіемъ глубокой скорби и серьезностью происшествія. Сочетаніе красокъ достойно кисти Корнеліуса. Другой, только-что оконченный маленькій рисунокъ карандашемъ, заказанный принцессой Прусской, изображалъ лэди Макбетъ, ходящую во снѣ, съ ужасающимся лицомъ при видѣ капель крови.

Корнеліусъ очень худощавый, маленькій, но добрый восьмидесятилѣтній старикъ, съ острыми чертами лица. Его маленькіе, блестящіе глаза зорко, наблюдательно и долго смотрятъ на предметъ или на лицо, говорящее съ нимъ. Его длинные волосы еще темно-каштановые; держится онъ очень прямо и дѣлаетъ мало движеній. Онъ встрѣтилъ насъ очень любезно и ласково, но вообще онъ почти никого не принимаетъ. Въ обществѣ его не видно, онъ избѣгаетъ свѣта и только собираетъ къ себѣ по вечерамъ нѣсколькихъ молодыхъ художниковъ. Его участь подобна участи всѣхъ геніевъ: ему завидутъ, и почти всѣ его коллеги въ Римѣ враждебно къ нему относятся, не находя достаточно камней, чтобы бросать въ него, этого великаго художника, достойнаго всякаго преклоненія. Зная свою силу, Корнеліусъ смотритъ на нихъ свысока, посмѣивается надъ ихъ невѣжествомъ и оцѣниваетъ ихъ работы справедливо, но строго. Онъ ненавидитъ всякое искривленіе и отступленіе отъ правды въ искусствѣ; а къ сожалѣнію надо сказать, что, особенно за послѣднее время, въ художественномъ отношеніи въ Римѣ творится мало отраднаго. Понятно, что онъ оставляетъ собакъ лаять и нападать на него, а самъ твердымъ шагомъ идетъ къ тому, что онъ призналъ за истину въ искусствѣ. Жена Корнеліуса очень красивая Итальянка; но смертельная болѣзнь, ракъ, истощаетъ ея силы.

Леманъ и Виттихъ чаще другихъ художниковъ бывали у насъ, но трудно себѣ представить два такихъ контраста. Виттихъ уроженецъ Мейсена изъ очень бѣдной семьи, гдѣ на внѣшній лоскъ обращаютъ мало вниманія. Онъ художникъ съ серьезными стремленіями, поэтому ему плохо приходится въ жизни. О славѣ и успѣхахъ въ свѣтѣ онъ и не думаетъ: въ его глазахъ они не имѣютъ никакой цѣны. Онъ человѣкъ съ сильной вѣрой; голова и сердце хорошо у него работаютъ. Но такъ какъ на этомъ свѣтѣ внѣшность — все, то онъ не

скоро себѣ пробьетъ дорогу: онъ слишкомъ прямой и правдивый въ искусствѣ.

Леманъ, наоборотъ, очень щегольской наружности, съ самыми изящными свѣтскими манерами, ловкій собесѣдникъ, владѣетъ отлично Европейскими языками, нрава ни теплаго, ни холоднаго и вѣруетъ по свѣтски. Счастіе ему везетъ, и почти всѣ его картины идутъ въ Англію или Америку.

2-го Февраля. Мы поѣхали въ соборъ Св. Петра, гдѣ папа Пій IX служилъ обѣдню; мнѣ хотѣлось видѣть папское служеніе, извѣстное своей пышною внѣшностью. По пріѣздѣ моемъ въ Римъ, меня поразило, что все напоминаетъ о папскомъ величіи и указываетъ, что мы въ столицѣ папы; но въ тоже время замѣтно, что теперь это только фиктивная столица папы. На улицахъ движется живописная толпа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; большинство движущихся — лица духовнаго сана: папскіе монсиньоры, въ живописныхъ средневѣковыхъ дворянскихъ костюмахъ, прелаты, патеры, діаконы, пѣвчіе, монахи всѣхъ возможныхъ орденовъ, словомъ, пестрая толпа духовныхъ и свѣтскихъ представителей составляетъ главный элементъ улицъ Рима. Военныхъ рѣдко видно: Римъ занимаютъ Французскія войска и если встрѣчаешь иногда между народомъ Французскихъ солдатъ, то всегда по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, Итальянцы же держутся отъ нихъ въ сторонѣ.

Папа самъ нигдѣ не смѣетъ показываться пѣшкомъ; гуляетъ онъ пѣшкомъ только въ своемъ частномъ саду, соединенномъ съ Ватиканомъ, мѣстомъ его резиденціи. Совершать прогулку за городъ онъ можетъ только верхомъ на бѣломъ ослѣ, и его любимая прогулка, это выѣзжать черезъ Porta del popolo въ Porta Angelica. Выѣзжаетъ онъ, какъ и всѣ кардиналы, въ закрытой большой каретѣ; карета папы запряжена шестерикомъ, съ четырьмя лакеями, кареты кардиналовъ парою лошадей, на запяткахъ стоятъ трое лакеевъ, а передъ ними на каретѣ лежитъ неизмѣнно закрытый большой зонтикъ. Кардиналы тоже не смѣютъ показываться пѣшкомъ на улицахъ Рима. Проѣздъ папы на улицахъ сейчасъ же замѣтенъ: народъ колѣнопреклоненно принимаетъ его благословеніе (по крайней мѣрѣ такъ это было въ то время), которое онъ не переставая даетъ по обѣ стороны, черезъ окна своей кареты.

Къ вышеозначенному празднику (2-го Февраля) всѣ Французскія войска заняли площадь передъ соборомъ Св. Петра, ожидая благословенія отъ папы. При входѣ въ церковь, меня поразила пышность обстановки: живописные костюмы лицъ папскаго штата бросались въ глаза. Швейцары, исполняющіе при папѣ военную службу, имѣютъ покрой мундира еще средневѣковой, ботфорты съ пестрымъ обшлагомъ,

прилегающіе инекспримабль, мундиръ-камзолъ изъ полосатой, желтой съ краснымъ, матеріи, каску, галлебарду и короткую саблю. Личная охрана папы, la garde nobile, образуется изъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; черный бархатный костюмъ съ прорѣзами на груди и прилегающихъ рукавахъ, для выступающихъ шелковыхъ буфовъ, наброшенная черезъ плечо альмавива съ широкой бѣлой фрезой кругомъ во́рота, Испанская шляпа со страусовымъ перомъ и прямая шпага довершаютъ ихъ костюмъ. Кромѣ того пышный штатъ папы состоялъ изъ камергеровъ, сенаторовъ, прелатовъ, монсиньоровъ, священниковъ, діаконовъ, разныхъ ниже стоящихъ духовныхъ чиновъ, монаховъ, пѣвчихъ, лакеевъ, и все это своимъ внѣшнимъ видомъ придерживалось старинныхъ преданій; словомъ, толпа была такая живописная, что часами можно было бы стоять и смотрѣть на нее. Эта живописная картина производитъ сильное впечатлѣніе на народъ и на пріѣзжихъ, не видавшихъ нигдѣ подобной характерной процессіи. Несмѣтное множество народа собралось въ соборъ, и видъ этого краснаго народнаго типа еще способствуетъ оживленію и украшенію всей картины; невольно любуешься ихъ красотой, стройностью, врожденною гибкостью и элегантностью: поразительно ихъ умѣнье художественно набросить на себя плащъ, любую тряпку, или приколоть женскій головной уборъ.

Папу уже вынесли на его тронѣ. Служитъ онъ звучнымъ теноровымъ голосомъ; его внѣшность невзрачная: онъ небольшого роста. На немъ надѣта была риза изъ серебрянаго глазета, поверхъ нея мантія съ драгоцѣнными застежками, на головѣ была его золотая тіара; непосредственно передъ нимъ носили знаки его папства, посохъ, и два псаломщика держали въ рукахъ, на длинныхъ палкахъ, громадный вееръ изъ павлиньихъ перьевъ, которымъ обмахивали папу. Кардиналы въ тіарахъ, обшитыхъ широкими старинными кружевами, съ маленькой красной скуфьей на головѣ, въ лиловыхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, окружали папу. По окончаніи обѣдни, восемь служащихъ діаконовъ вынесли папу на его тронѣ, окруженнаго пышнымъ шествіемъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, обратно въ Ватиканскій дворецъ, соединенный съ соборомъ черезъ правую его колоннаду.

Папскіе пѣвчіе пѣли обѣдню, должна сказать, гораздо лучше, чѣмъ все прежде слышанное мною; но ихъ пѣніе не соотвѣтствуетъ ихъ прежней славѣ. Кастраты, исполняющіе сопранный голосъ, производятъ непріятное впечатлѣніе слабымъ тембромъ голоса; когда въ первый разъ слышишь ихъ пѣніе, то не знаешь, кто и что поетъ; оно звучитъ какъ-то безхарактерно и безжизненно, хотя объемъ голоса

бываетъ довольно значительный, до *si* съ перечеркнутой шейкой надъ верхней линейкой, въ сопранномъ ключѣ. Во время обѣдни постоянная ходьба народа по церкви очень мѣшаетъ общему спокойствію, привычному во время богослуженія. Если увидите кого-нибудь стоящаго спокойно и со вниманіемъ слѣдящаго за службой, то можете быть увѣрены, что это чужестранецъ. Но молиться при постоянной ходьбѣ, движеньи, глазѣньи и толкотнѣ въ церкви—дѣло невозможное.

У Ольги Грантъ я познакомилась со Шведской писательницей Фредерикой Бремеръ; ея семейные романы переведены на всѣ Европейскіе языки; изъ нихъ особеннымъ успѣхомъ пользуются «Сосѣди» и «Дневникъ» («Skizzen aus dem Alltagsleben»). Она почтенная старушка, ей за шестьдесятъ лѣтъ; она очень молчалива, но весьма наблюдательна.

15-го Февраля. Я съ братомъ посѣтила нѣсколько мастерскихъ художниковъ. Около семидесяти стипендіатовъ Петербургской Академіи художествъ, архитекторы, скульпторы и художники, живутъ въ Римѣ. При такомъ почтенномъ числѣ учащихся, можно было бы подумать, что художества процвѣтаютъ въ Россіи; но странно, пока это не замѣтно. Изъ Римскихъ стипендіатовъ я поѣхала въ мастерскую Томашевскаго, который окончилъ маленькій образъ св. Екатерины для великой княгини Елены Павловны. Стипендіатъ работаетъ надъ большой картиной, находящейся еще въ первой степени развитія; мотивомъ для нея служитъ явленіе Господа Савлу, по дорогѣ въ Дамаскъ. Композиція картины очень живая, но до полнаго окончанія судить о ней нельзя, такъ какъ именно въ этой картинѣ много зависитъ отъ колорита.

Затѣмъ мы поѣхали въ мастерскую Ксенофонтова. Онъ работаетъ надъ сценой изъ карнавала: двѣ красивыя Албанки сидятъ въ экипажѣ и перебрасываются цвѣтами съ проходящими. Какъ композиція, картина дѣлаетъ впечатлѣніе куска, вырѣзаннаго изъ большой картины; какъ колоритъ, она хорошо подготовлена.

Меня интересовало видѣть скульптора Штейнгейзера (родомъ изъ Бремена) и его работы въ Римѣ, такъ какъ для Веймара пріобрѣтена его колоссальная группа, изображающая Гёте съ Психеей (Беттиной фонъ-Арнимъ, рожденной Брентано), которая дотрогивается до струнъ его лиры. Отношенія Гёте съ Беттиной Фонъ-Арнимъ извѣстны изъ ихъ переписки, которая была напечатана (Briefwechsel von Göthe mit einem Kinde); къ этой книгѣ былъ приложенъ рисунокъ Б. фонъ-Арнимъ, который и послужилъ Штейнгейзеру моделью для вышеупомянутой группы. Онъ началъ ее работать въ полной надеждѣ, что ее пріобрѣтутъ для Берлина; но, хотя надежда его не сбылась, скульпторъ не охладѣлъ къ своей работѣ и, съ шестью мастерами, продолжалъ ее

на авось, въ теченіе шести лѣтъ. Счастье ему благопріятствовало, и онъ нашелъ для своей группы достойное мѣсто въ Веймарскомъ паркѣ, гдѣ Гёте жилъ и работалъ. Если бы не знать, что въ Психеѣ передъ глазами публики изображена сама Беттина фонъ-Арнимъ, то можно быть увѣреннымъ, что рисунокъ прошелъ бы незамѣтно; но есть многіе, которые и до сихъ поръ порицаютъ Штейнгейзера за это. Если самъ онъ, при началѣ работы, не чувствовалъ никакой неловкости, то посѣщавшіе его мастерскую, вѣрно, своими замѣчаніями навели его на это, потому что, во время работы, онъ дѣлалъ измѣненія въ рисункѣ Беттины фонъ-Арнимъ, но благодаря, его гармоничности, каждый разъ принужденъ былъ вернуться къ нему.

Теперь видна еще въ его мастерской колоссальная модель головы Гёте.

Мой братъ поѣхалъ еще со мной къ г. Ландсбергеру, чтобы осмотрѣть его коллекцію картинъ. Но меня гораздо больше интересовало его собраніе автографовъ, особенно Бетховена, отъ котораго у него нѣсколько книжекъ для замѣтокъ, симфонія «Eroica», нѣсколько сонатъ и квартетовъ въ манускриптахъ.

Вечеромъ у Ольги Грантъ я слышала извѣстнаго кастрата Мистафа, изъ числа Сикстинскихъ пѣвчихъ. Между прочимъ, онъ пѣлъ арію сопрано изъ «Луизы Миллеръ» Верди; не могу сказать, какое отталкивающее впечатлѣніе производитъ на меня такое пѣніе.

17-го Февраля. Среда первой недѣли Великаго поста отличается тѣмъ, что папа посыпаетъ пепломъ головы присутствующихъ при богослуженіи въ Сикстинской капеллѣ. Эта маленькая церковь, въ которую во время богослуженія пускаютъ только по именнымъ билетамъ, поражаетъ своею художественною простотою; единственное украшеніе стѣнъ и потолковъ—художественныя произведенія Микель Анджело, Перуджино, Ботичелли, Синьорелли, Рафаэля и другихъ. Мы пріѣхали въ капеллу, когда начинали собираться кардиналы, депутаціи духовныхъ лицъ, монаховъ, пѣвчихъ и высокопоставленныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. По срединѣ одной стѣны стоитъ тронъ папы, по обѣ стороны отъ него идетъ рядъ соединенныхъ вырѣзныхъ деревянныхъ креселъ для кардиналовъ. До прибытія папы, они по одиночкѣ являются въ капеллу, въ сопровожденіи своего «servitore» съ узломъ въ рукахъ и, ставъ у своего кресла, начинаютъ скидывать ненужныя одежды и облачаться въ другую, положенную для церемоніи. По окончаніи богослуженія таже ходьба лакеевъ, тѣже раздѣваніе и одѣваніе возобновляются, что̀, по моему, очень нарушаетъ тишину и благопристойность храма. Фреска «Страшный судъ» Микель - Анджелло занимаетъ всю восточную стѣну церкви; на свѣтѣ пѣтъ второй кар-

тины, равной ей по мастерскому и вѣрному исполненію человѣческихъ формъ. Микель Анджелло, геній, какъ архитекторъ, скульпторъ и художникъ, былъ такой знатокъ анатоміи человѣческаго тѣла, что любой докторъ можетъ учиться анатоміи на его работахъ. Передъ этой фреской Микель Анджелло стоитъ престолъ, на которомъ папа совершаетъ обѣдню. На противоположной сторонѣ трибуна для дамъ, пускаемыхъ по билетамъ. Обязательно для нихъ быть въ черномъ, съ длиннымъ, ниспадающимъ до полу, кружевнымъ вуалемъ на головѣ. Папа, прибывшій пѣшкомъ въ свою капеллу, былъ одѣтъ въ бѣлый подрясникъ, съ маленькой красной скуфьей на головѣ. Кардиналы первые приближаются къ папѣ, цѣлуютъ ему руку и становятся передъ нимъ на колѣни, а онъ крестообразно сыплетъ имъ на голову пепелъ, присовокупляя нѣсколько словъ; затѣмъ кардиналъ поднимается съ колѣней и отходитъ къ своему мѣсту, а къ папѣ приближается другой. Всѣ, кромѣ кардиналовъ, цѣлуютъ у папы не руку, а ногу. Во время этой церемоніи пѣвчіе поютъ, или, вѣрнѣе сказать, выкрикиваютъ старинный Грегоріанскій напѣвъ; если бы его исполняли согласно традиціямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ глубоко перевернулъ бы души всѣхъ присутствующихъ слушателей, какъ это бывало прежде; но нашъ реальный вѣкъ ведетъ къ паденію искусства и всего того, что̀ велико и свято для каждаго истиннаго художника, который теперь становится борцомъ за искусство. Мнѣ не вѣрилось, что это поютъ всемірно-извѣстные Сикстинскіе пѣвчіе; говорили, что хоръ очень упалъ, но это меня нисколько не утѣшило.

У княгини Хилковой познакомилась я съ г-жею Штуббе, драматической пѣвицей съ большимъ голосомъ. Она родомъ изъ Германіи, дочь врача; до пріѣзда своего ко двору великой княгини Елены Павловны, она жила въ Мейнингенѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ пользовалась уроками Гарчіа (отца) и Бордони. Она вышла замужъ за гофмаршала двора вел. кн. Елены Павловны Абазу. При ея драматическомъ дарованіи, если бы голосъ ея былъ болѣе разработанъ, то она вѣрно стала бы наравнѣ съ самыми извѣстными пѣвицами. Sie hat viel Zeug, какъ говорятъ Нѣмцы, и статная ея фигура во многомъ бы содѣйствовала ей для занятія мѣста драматической пѣвицы, что̀, по моему, было бы наиболѣе для нея подходящимъ.

На слѣдующій день (19-го Февраля), я получила, черезъ княжну Львову, письменное приглашеніе на вечеръ къ Еленѣ Павловнѣ. Я привезла отъ Веймарскаго двора пи́сьма для ея высочества, но въ то время она сильно страдала отъ нарыва въ ухѣ, вслѣдствіе чего не могла меня принять. Великая Княгиня очень выдающаяся личность по начи-

танности, знанію и любви къ музыкѣ и по живому интересу, который она оказывала всѣмъ вопросамъ политическимъ, художественнымъ и литературнымъ. Ея живой умъ во все вникалъ, всѣмъ занимался, и этимъ она привлекала въ свой кругъ людей единомыслящихъ съ нею и сочувствовавшихъ ей.

Кромѣ ея свиты (княжны Львовой, фрейлинъ баронессъ Ф.-Раденъ, Сталь, барона Розена, д-ра Арндта и г-жи Штуббе), изъ приглашенныхъ я видѣла Александра Васильчикова, его сестру княгиню Екатерину Алексѣевну Черкасскую съ мужемъ, монсиньора князя Гогенлое, писателя Грегоровіуса и Черткова. Принцъ Николай Нассаускій [1]), проводившій зиму въ Римѣ, былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ. Я играла нѣсколькой пьесъ, побаиваясь избалованнаго уха великой княгини. Постояннымъ посѣтителемъ ея двора былъ А. Г. Рубинштейнъ, чѣмъ и положилъ онъ начало своей славы въ Россіи.

21-го Февраля. У стипендіатовъ Французскаго правительства въ Римѣ собственный домъ (villa Medici) съ мастерскими и помѣщеніями для стипендіатовъ. Они образуютъ свою Римскую Французскую академію, и у нихъ свой директоръ—Шнецъ. Это былъ большой любитель музыки; по воскреснымъ вечерамъ на виллѣ Медичи собирались лица всѣхъ націй, но главное Французы, занимались музыкой, разсматривали гравюры и т. д. Здѣсь были и два стипендіата-музыканта, присланные также на нѣсколько лѣтъ въ Италію.

26-го Февраля вечеромъ намъ показывали Ватиканскій музей, освѣщенный восковыми свѣчами. Шесть восковыхъ свѣчей, толщиною въ четыре вершка каждая, вставлены въ подсвѣчникъ на длинной палкѣ. Подсвѣчникъ съ трехъ сторонъ снабженъ стѣнками, отражающими свѣтъ, четвертая сторона открыта, и черезъ нее наводится свѣтъ на статую, подлежащую освѣщенію. Благодаря яркому свѣту, всѣ формы выходятъ гораздо рельефнѣе; были статуи, которыя казались живыми, такъ отлично онѣ сдѣланы. Освѣщались только самыя выдающіяся статуи: Минерва, Нилъ, Венера, Атлетъ, Посейдиппъ и Менандръ [2]), Клеопатра, голова Юпитера, бѣгъ съ двумя лошадьми, Дискоболъ, Тиверій, дѣтская головка Августа. Возлѣ античныхъ произведеній скульптуры новѣйшія, даже работы Кановы, находящіяся въ залѣ возлѣ Бельведерскаго двора, очень теряютъ: тѣла съ неопредѣленными формами кажутся жирными и неповоротливыми; нѣтъ той античной легкости въ

[1]) Пр. Николай Нассаускій, нѣсколько лѣтъ спустя, женился на дочери Пушкина.

[2]) Посейдиппъ (Poseidippus) и Менандръ (Menandros)— Греческіе драматическіе поэты; ихъ статуи въ Ватиканѣ стоятъ одна противъ другой.

движеніяхъ, того вѣрнаго подражанія природѣ, оконченности въ работѣ, той правды, которая составляетъ характерность временъ процвѣтанія искусствъ. Одна группа меня глубоко потрясаетъ каждый разъ, что̀ я ее вижу; это нападеніе змій на Лаокоона и на его сыновей. Я не знаю второго столь трагическаго изваянія. Какое благородство и сколько чувства во всѣхъ движеніяхъ! Какой страхъ выражаетъ лицо одного изъ сыновей (у другого уже замѣтно приближеніе смерти), съ какой отчаянной силой отецъ отбивается отъ змія! При вечернемъ освѣщеніи еще ярче вырисовывались мельчайшія формы: казалось, мускулы натянуты до послѣдняго предѣла. Геній точно вдулъ жизнь въ этотъ благородный, холодный мраморъ, и до сего дня жизнь эта свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ процвѣтало когда-то искусство. Особенность этой группы состоитъ въ томъ, что ростъ сыновей Лаокоона слишкомъ малъ въ сравненіи съ его ростомъ; но подобная несоразмѣрность встрѣчается въ античной скульптурѣ. Группа эта найдена въ 1506-мъ году около резервуара термъ императора Тита. Вторая, любимая моя группа, это Нилъ, колоссальная мужская фигура, оживленная шестнадцатью мальчиками, которые идутъ, влѣзаютъ и сидятъ на немъ и вокругъ него. Нельзя себѣ представить что-нибудь болѣе милое и граціозное, какъ оживленный рой голыхъ мальчугановъ вокругъ этого сидящаго колосса. Можно тоже сказать, что и эти дѣти непропорціонально малы по отношенію къ фигурѣ Нила; но видно, что эта несоразмѣрность—отличительная черта той эпохи. Историческіе критики говорятъ, что эти 16 дѣтей, находящіяся на различной высотѣ около фигуры Нила, обозначаютъ его наводненія; но это толкованіе я не хорошо понимаю; по моему, скорѣе это число большихъ городовъ, расположенныхъ у береговъ Нила. И эта группа при искусственномъ свѣтѣ стала какъ бы живою.

1-го Марта. Я получила письмо отъ моего дорогого отца; всякая строка отъ моихъ была для меня истиннымъ утѣшеніемъ. Время смягчало мою жгучую боль, я старалась вновь привыкнуть къ людямъ, хотя это мнѣ было нелегко; къ этому надо прилагать силу воли, потому что такъ должно быть. Но какъ только, бывало, увижу я издали пирамиду Цестіуса, я не знала, какъ побороть свою скорбь.

4-го Марта. Между приглашенными у Великой Княгини былъ кардиналъ Антонелли, правая рука Пія IX. Несомнѣнно, что онъ былъ очень тонкій дипломатъ, но время унесло и его славу, а то время уже было не то, что̀ прежде, и онъ отлично это сознавалъ. Въ обществѣ онъ «galant homo», отлично владѣетъ Европейскими языками и вездѣ, гдѣ онъ появляется, его съ удовольствіемъ принимаютъ.

13-го Марта. Обѣдали у княжны Екатерины Владимировны Львовой; потомъ перешли на вечеръ въ гостиную Великой Княгини, гдѣ изъ постороннихъ были И. С. Тургеневъ и Петербургскій академикъ Неффъ.

14-го Марта. Въ женскомъ монастырѣ Св. Филиппо Нери, находящемся за соборомъ Santa Maria Maggiore, былъ совершенъ обрядъ постриженія двухъ молодыхъ сестеръ, 20-ти и 22-хъ лѣтъ, въ монахини, имѣющія право только одинъ день въ году выходить изъ монастыря, гдѣ онѣ занимаются обученіемъ дѣтей. Мы пріѣхали въ монастырь съ Фредерикой Бремеръ и были приняты монахинями въ пріемной, гдѣ онѣ всѣмъ присутствующимъ предлагали шоколадъ. Обѣ молодыя дѣвицы, пожелавшія отречься отъ свѣтской жизни и ея радостей, были одѣты въ бѣлыя платья, расшитыя серебромъ, съ длиннымъ тюлевымъ вуалемъ на головѣ, и обвѣшаны бриліантами и разными драгоцѣнностями, которыя ихъ родственники предлагаютъ имъ надѣть на этотъ случай. Я удивлялась веселости и спокойствію этихъ дѣвицъ, которыя ходили въ пріемной отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ, болтая и смѣясь; а мать ихъ между тѣмъ заливалась горькими слезами. Тяжело было на это смотрѣть. Церковная служба началась обѣдней, которую совершалъ кардиналъ. По окончаніи ея, обѣихъ сестеръ ввели черезъ главныя двери въ церковь, къ алтарю, гдѣ съ лѣвой стороны на мягкомъ креслѣ сидѣлъ кардиналъ. Онѣ подошли къ нему и опустились передъ нимъ на колѣни; онъ имъ что-то сказалъ, но что̀, нельзя было понять. Кардиналъ, за спиной котораго стоялъ еще священникъ, сидя, сталъ читать сестрамъ длинную рѣчь, и, несмотря на то, что онъ держалъ въ рукахъ бумагу, онъ часто останавливался, оборачивался, разговаривалъ и смѣялся со стоявшимъ за нимъ священникомъ, нюхалъ табакъ; словомъ, о благоговѣніи не было и помину. Затѣмъ начался обрядъ постриженія. Двѣ монахини, прислуживая при этомъ, передали сначала сидѣвшему кардиналу два распятія изъ чернаго дерева, а онъ вручилъ ихъ сестрамъ, стоявшимъ передъ нимъ на колѣняхъ. Монахини отшпилили съ нихъ вуали и всѣ драгоцѣнности; кардиналъ трижды рѣзалъ имъ волосы, а монахини отрѣзали ихъ чудныя, черныя косы. Сняли съ нихъ платья, и взамѣнъ кардиналъ далъ имъ по черной рясѣ, сверхъ нея какую-то бѣлую одежду, повязку на лобъ, широкій рюшъ на воротъ, чепецъ, поясъ, четки, вуаль, и наконецъ по розѣ и по серебряной коронѣ. По мѣрѣ полученія, имъ все это надѣвали и, наконецъ, на ихъ головы укрѣпили серебряныя короны, которыя онѣ должны носить весь этотъ день. Ихъ окропили святой водой и затѣмъ дали имена Maria Nazareni di S. Luigi

и Maria Anna di Jesu. Кардиналъ взялъ ихъ за руки и, черезъ потайную дверь, за лѣвой стороной престола, повелъ ихъ въ монастырь. Я не могу сказать, какое грустное впечатлѣніе все это произвело на меня: видно было, что новопостриженныя не понимали всей важности сдѣланнаго ими шага. Изъ церкви всѣ опять собрались въ пріемной монастыря, гдѣ раздавали печатные сонеты, сочиненные по случаю постриженія молодыхъ дѣвицъ, и подавали гранаты, мороженое и всякія сладости.

25-го Марта. Въ день Св. Благовѣщенія происходитъ ежегодно извѣстный базаръ свиней и ословъ въ Гротта-Ферната, мѣстечкѣ, лежащемъ у подножія Альбанскихъ горъ. Мы поѣхали туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ знакомыхъ, при чудномъ голубомъ небѣ и ласкающихъ солнечныхъ лучахъ. Дорога, идущая черезъ пустынную Кампанью, была усѣяна экипажами, наѣздниками, пѣшеходами; казалось, весь Римъ устремился туда. Передъ самымъ мѣстечкомъ большая лужайка, гдѣ народъ совершалъ торги, или, разлегшись въ живописныхъ группахъ, подкрѣплялъ себя овечьимъ сыромъ, мѣстнымъ краснымъ виномъ и жареной свининой. Свинина къ этому дню приготовляется совсѣмъ особымъ способомъ. Вдоль главной улицы мѣстечка стояли бѣлые столы, а на нихъ разложены были, жареныя на вертелѣ, цѣлыя свиньи громадныхъ размѣровъ, внутренность коихъ наполнена всевозможными пряностями, какъ-то розмаринъ, лавровый листъ, петрушка, гвоздика и т. д. Для болѣе фешьонабельной публики выстроены балаганы, и тамъ, подъ защитой отъ стоявшаго уже высоко солнца, мы сѣли и съ большимъ апетитомъ подкрѣпились очень вкусной свининой. Можно было встрѣтить представителей всѣхъ народовъ Европы и новаго свѣта на этомъ праздникѣ, гдѣ, кромѣ зрѣлища жареныхъ свиней, можно еще слушать пьесы, разыгрываемыя въ театрѣ Пульчинелло, или слѣдить за національными танцами съ кастаньетами или тамбуриномъ. Но что вездѣ въ Италіи отравляетъ вамъ каждый шагъ, это неисчислимое множество нищихъ, которые васъ повсюду осаждаютъ и, еслибы возможно было, облегчили бы вашъ кошелекъ до послѣдняго байокки.

26-го Марта. Былъ вечеръ у Великой Княгини, которая явилась только на полчаса, по случаю плохихъ извѣстій о здоровіи великой княгини Екатерины Михайловны. Изъ приглашенныхъ были И. С. Тургеневъ, Бутеневъ, Амперъ; послѣдній, какъ личность, меня очень интересовалъ; умный разговоръ, глубокое знаніе Рима.

27-го Марта. Мой братъ поѣхалъ съ нами къ художнику Иванову, который окончилъ свою большую картину—Іоаннъ Креститель, указывающій на приближающагося къ нему Спасителя. Художникъ

употребилъ двадцать лѣтъ жизни на одну эту картину, при первомъ обзорѣ которой васъ поражаетъ особый колоритъ восточныхъ народовъ, прибывшихъ къ Іоанну, чтобъ креститься. Фигуры исполнены почти въ человѣческій ростъ, ихъ около пятидесяти; поразительно хороши одежды, какъ по рисунку и глубинѣ складокъ, такъ и по колориту; но въ картинѣ есть рѣзкость и твердость, къ которымъ глазу приходится привыкать. Нельзя не преклоняться передъ терпѣніемъ и и настойчивостью художника—два качества чуждыя Русскому характеру. Разработка картины художественна, и въ этомъ отношеніи она составляетъ рѣдкое исключеніе даже среди картинъ прежней школы, тѣмъ болѣе среди мазкóвъ новѣйшей.

28-го Марта. Вербное Воскресенье и наступленіе Страстной седьмицы, которая въ Россіи и въ другихъ странахъ отличается общей тишиной, какъ внѣшней, такъ и у семейнаго очага. Въ Римѣ же во всю эту недѣлю больше чѣмъ когда-либо жизни и движенія. Съ ранняго утра всѣ стремятся въ соборъ Св. Петра, чтобы видѣть благословленіе и раздачу вербъ святѣйшимъ отцемъ. Вербы плетутся изъ соломы или сухихъ пальмовыхъ листьевъ, въ видѣ ажурной косы, въ аршинъ и больше длины. Въ 9 часовъ утра въ соборъ, съ обычной помпой, внесли папу, и онъ сталъ раздавать вербы каждому изъ приближавшихся къ нему и цѣловавшихъ ему руку или туфлю, смотря по чину; продолжалось это довольно долго. По окончаніи раздачи вербъ былъ крестный ходъ по церкви, затѣмъ началась обѣдня. Грубое пѣніе во время обѣдни поразило не только меня, но и всѣхъ присутствовавшихъ музыкальныхъ лицъ: нельзя свыкнуться съ исполненіемъ и характеромъ, который данъ пѣвчими твореніямъ геніальныхъ церковныхъ композиторовъ Италіи. Должно быть, музыка какъ и другія искусства, пережила свою классическую эпоху, во время которой соединеніе духа и матеріи (Geist und Materie) достигаютъ высшаго, идеальнаго равновѣсія. Искусство рождается отъ перевѣса духовной матеріи надъ чувственной, ихъ равновѣсіе приводитъ къ классической эпохѣ, которая клонится къ упадку, когда чувственная матерія береть перевѣсъ надъ духовной. Понятно, что развитіе и упадокъ искусства въ исторіи человѣчества обозначаются столѣтіями, и надо сказать, что упадокъ церковнаго пѣнія въ Италіи принадлежитъ 19-му столѣтію; самое высокое, классическое процвѣтаніе ея принадлежитъ 16-му вѣку; 17-й и 18-й вѣка принадлежатъ хорошей музыкѣ, а 19-й вѣкъ переживаетъ упадокъ этого искусства. Даже въ такіе дни шумъ, ходьба, разговоры въ церкви не прекращаются: точно люди собрались въ гостиную, а не въ церковь. Съ грустью надо сознаться, что кое-гдѣ и

въ нашихъ церквахъ ведутся разговоры, далеко не благопристойные во время богослуженія; но, слѣдуетъ отдать справедливость, въ протестантскихъ церквахъ я нигдѣ этого не встрѣчала. По окончаніи обѣдни папу опять отнесли въ его внутренніе покои; народъ сталъ расходиться, нищіе давили выходящихъ изъ церкви.

Братъ мой работаетъ надъ большимъ картономъ «Спаситель является Маріи Магдалинѣ въ саду»; какая разница съ прежними его работами; я не думала, чтобы сокровища Рима могли такъ скоро подѣйствовать на его работы.

Три дня сряду я ѣздила слушать Мизерере въ Сикстинской капеллѣ. Преданіе говоритъ намъ, что подобнаго пѣнія нельзя услышать во всемъ мірѣ, и съ этимъ убѣжденіемъ я поѣхала туда, но разубѣдившись, пришлось сказать себѣ, что на землѣ нашей нѣтъ ничего постояннаго: все, достигнувъ высшей точки своего развитія, приближается затѣмъ къ своему упадку. Что́ могло быть причиной упадка Сикстинскаго хора? Для этого было достаточно, чтобы ихъ старый регентъ закрылъ глаза, и на его мѣсто хо́ромъ взялся управлять человѣкъ молодой, неопытный, незнакомый съ преданіями этого артистическаго учрежденія. Чтобы поддерживать характеръ учрежденія, надо усвоить себѣ его традиціи, сжиться съ ними; вступивъ же въ него, приходится сперва изучать ихъ, съ неизвѣстнымъ еще результотомъ. Между пѣвчими Сикстинской капеллы есть чудные голоса, мягкіе, звучные и полные, но вслѣдствіе того, что они нечисто интонируютъ, пѣніе часто звучитъ фальшиво; и теперь еще замѣтно, что они могутъ пѣть хорошо и когда-то хорошо пѣли. Словомъ Мизерере называется сочиненіе на слова 50-го псалма; они пѣли одно сочиненіе аллегри, другое басси; каждое изъ нихъ продолжалось приблизительно тридцать минутъ. Ламентаціи, написанныя на слова плача пророка Іереміи (въ этотъ день пѣли сочиненіе Палестрини) длятся около часа съ четвертью. О музыкальности этихъ вещей нечего и говорить: онѣ принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ XVI-го столѣтія, времени процвѣтанія въ Италіи церковной музыки. Извѣстно, что эти композиціи стали доступны всѣмъ черезъ Моцарта, благодаря тому, что, будучи въ Римѣ, онъ по слуху написалъ Мизерере аллегри, тогда какъ прежде эти сочиненія были собственностью папской капеллы и никому не выдавались*). По окончаніи пѣнія, священникъ читаетъ короткую молитву, всѣ

*) Покойному Александру Яковлевичу Скарятину, долго жившему въ Римѣ, посчастливилось добыть списки съ разныхъ нотъ, ревниво хранимыхъ папскою капеллою. Мы видѣли у него эти большія нотныя тетради. Онѣ должны находиться у его дочери Марьи Александровны Дембской.

встаютъ и подошвами своей обуви трутъ полъ, въ память землетрясенія во время распятія Спасителя.

Вечеромъ посѣтила насъ Фредерика Бремеръ, которая нѣкоторое время передъ тѣмъ вдругъ исчезла, и никто не зналъ куда. На всѣ наши вопросы, гдѣ она такъ долго пропадала, она разсказала намъ слѣдующую любопытную исторію. По пріѣздѣ ея въ Римъ, кругъ знакомыхъ ея мало по малу сталъ очень обширенъ; особенно представлялись ей многія изъ духовныхъ лицъ, между прочими и кардиналъ Антонелли. Привыкшая къ тому, что, куда она ни пріѣдетъ, всегда многіе стараются познакомиться съ нею, хотя бы просто изъ любопытства видѣть автора любимыхъ въ то время романовъ, она сначала не обращала на это особаго вниманія. Ея романы, какъ извѣстно, описывали обыкновенно семейный бытъ и несомнѣнно имѣли большое вліяніе на молодежь. Фредирика Бремеръ была протестантскаго вѣроисповѣданія. Вскорѣ она замѣтила, что кардиналъ Антонелли, при возобновляющихся своихъ посѣщеніяхъ, касался особенно часто религіозныхъ вопросовъ, сравнивалъ протестантское вѣроисповѣданіе съ католическимъ, указывалъ на превосходство послѣдняго, и наконецъ сталъ уговаривать ее перейти въ католичество. Оказалось, что католическое духовенство желало этимъ путемъ пріобрѣсти ея перо, чтобы воспользоваться ея романами для распространенія католичества по всему свѣту, такъ какъ ея романы переводились на всѣ Европейскіе языки и читались повсюду; надо замѣтить, что она очень много и хорошо писала. Ф. Бремеръ возразила кардиналу, что о переходѣ ея въ католичество не можетъ быть и рѣчи, что многое въ католической вѣрѣ не согласуется съ ея религіозными убѣжденіями. Этимъ окончились разговоры съ кардиналомъ Антонелли; но на другой день онъ явился отъ имени папы Пія IX-го, поручившаго ему пригласить строптивую писательницу къ нему. Не сомнѣваясь въ твердости своей вѣры, она явилась къ папѣ, который назначилъ частную аудіенцію для нея одной. Папа самъ опять предложилъ ей перейти въ лоно спасительной католической церкви, убѣждая ее всѣми возможными доводами. Она, не стѣсняясь, отвѣчала и возражала ему, и наконецъ, чувствуя, что ею овладѣваетъ нетерпѣніе, сказала его святѣйшеству: «Вотъ еще одинъ пунктъ, въ который я никакъ не могу никогда повѣрить,—это въ непогрѣшимость папы». На это святой отецъ сказалъ ей: «вы можете не вѣрить въ мою непогрѣшимость, но въ непогрѣшимость папы вы должны вѣрить». Разговоръ длился болѣе часа, а Фридерика Бремеръ все оставалась непобѣжденной. Наконецъ, дѣлая для нея исключеніе, папа попросилъ ее на время поселиться въ одномъ изъ женскихъ мо-

настырей, для изученія католической вѣры и для убѣжденія въ ея превосходствѣ передъ другими вѣроисповѣданіями. На это Ф. Бремеръ согласилась, и папа назначилъ ей мѣстомъ жительства женскій монастырь Монте-Тринитà, гдѣ игуменьей была княгиня Волконская, Русская, перешедшая въ католичество. Въ этотъ монастырь и исчезла Ф. Бремеръ, и была тамъ все время, пока мы ея искали. Но княгиня Волконская и всевозможныя духовныя особы такъ приставали къ ней, что въ одинъ прекрасный день она просто бѣжала изъ монастыря, боясь потерять разсудокъ ото всѣхъ предсказанныхъ ей страстей ада и вѣчнаго огня, если она не приметъ католической вѣры. Вернувшись домой, она написала кардиналу Антонелли, что благодаритъ его за гостепрімство, но что католичкой она никогда не будетъ.

1-го Апрѣля. Въ Великій Четвергъ послѣ обѣдни папу выносятъ на лоджію (балконъ) Св. Петра, и ровно въ 12 часовъ дня онъ, при обычной церемоніи, благословляетъ оттуда народъ. Страшно становится за него, какъ-бы на этой высотѣ у него не закружилась голова. Минута, когда онъ благословляетъ, величественная и единственная въ своемъ родѣ. Затѣмъ папу вносятъ обратно въ соборъ Святаго Петра, гдѣ онъ совершаетъ омовеніе ногъ у 13-ти странниковъ. Каждое католическое посольство имѣетъ право предложить одного странника въ число тринадцати. Они всѣ одѣты въ бѣломъ; священникъ снимаетъ съ нихъ обувь и чулки, затѣмъ папа обливаетъ имъ ноги, вытираетъ и цалуетъ ихъ. Окончивъ церемонію омовенія ногъ, папа даетъ каждому изъ нихъ по медали и по букету цвѣтовъ; тѣхъ же тринадцать странниковъ отводятъ въ одну изъ лоджій Рафаэля въ Ватиканѣ, гдѣ бѣлой скатертью накрытъ длинный столъ на тринадцать приборовъ; передъ каждымъ приборомъ поставлена статуэтка одного Апостола. Входитъ папа въ домашнемъ бѣломъ подрясникѣ, надѣваетъ на себя большой бѣлый передникъ и начинается церемонія питанія—la Cena. Папа читаетъ обѣденную молитву, умываетъ и вытираетъ руки у каждаго изъ странниковъ, послѣ чего они садятся за столъ. Папа подаетъ каждому изъ нихъ по тарелкѣ супа и еще по двѣ перемѣны, наливаетъ имъ также вино и воду и удаляется въ свои внутренніе покои. Лакеи подаютъ странникамъ еще двѣ перемѣны и большую корзину, куда каждый изъ нихъ собираетъ всѣ свои остатки отъ обѣда: рыбу, пироги, овощи и т. д., такъ какъ они не могутъ ѣсть такъ быстро и много, что̀ имъ подаютъ. Черезъ часъ послѣ этого начинается пѣніе всемірно извѣстныхъ Мизерере и Ламентацій, для кардиналовъ въ Сикстинской капеллѣ, а для монсиніоровъ въ соборѣ Св. Петра. По окончаніи пѣнія священникъ читаетъ короткую молитву,

и всѣ присутствующіе встаютъ и трутъ о полъ ногами, что́ изображаетъ землетрясеніе при кончинѣ Спасителя.

Потомъ, часовъ въ шесть, мы пошли въ соборъ. Пѣвчіе въ этотъ день пѣли хорошо, но ничего особенно художественнаго въ ихъ исполненіи не было. Шумъ приходящихъ, уходящихъ и гуляющихъ по церкви и громкій разговоръ нисколько не стѣсняющейся публики мѣшали внимательно слушать. Точно базаръ, а не церковь. Около одного изъ среднихъ пилястровъ собора, въ продолженіи всей недѣли, сидитъ на возвышеніи одинъ изъ кардиналовъ въ полномъ облаченіи, съ широкой мантіей и съ саженнымъ золотымъ хлыстомъ въ рукѣ. Прихожане по очереди становятся на колѣни передъ кардиналомъ, а онъ, произнося нѣсколько словъ, слегка ударяетъ ихъ хлыстомъ, и этимъ они получаютъ разрѣшеніе своихъ грѣховъ. Другіе колѣнопреклоненно становятся на мантію кардинала и устно исповѣдаются. Къ вечеру гасятъ всѣ лампады, которыя горятъ круглый годъ на рѣшеткѣ вокругъ гробницы Св. Апостола Петра. Церковь освѣщается только большими восковыми свѣчами, которыя горятъ по одной подъ каждой аркой средней части церкви. При такомъ освѣщеніи церковь кажется какъ бы въ туманѣ, и ея колоссальные размѣры выступаютъ еще поразительнѣе. Съ бѣлаго мраморнаго престола, стоящаго на возвышеніи со ступенями, снята вся утварь и дальнѣйшія украшенія, какъ-то вазы съ искусственными цвѣтами, подсвѣчники со свѣчами, и затѣмъ совершается омовеніе алтаря. Пять священниковъ первые выходятъ въ рядъ и, приблизившись къ престолу, разливаютъ по немъ, изъ стоящей на немъ стеклянной вазы, бѣлое вино и, обмакнувъ въ винѣ свои метелочки, начинаютъ мыть ими алтарь. За ними слѣдуютъ кардиналы и всѣ прочіе до послѣдняго маленькаго пѣвчаго, каждый стараясь хоть разъ провести своей метелочкой по доскѣ. Потомъ снова являются первые пять священниковъ и вытираютъ алтарь сначала большой губкой, а затѣмъ и полотенцами. По окончаніи умыванія алтаря, весь причтъ становится направо отъ алтаря, въ ожиданіи поклоненія мощамъ. Надъ алтаремъ возвышается куполъ Св. Петра, который поддерживаютъ четыре громадныхъ пилястра; въ этихъ пилястрахъ, на значительной высотѣ, находятся комнаты съ выходящими во внутрь церкви балкончиками; въ этихъ комнатахъ хранятся главныя святыни Св. Петра. Четыре громадныя статуи: Св. Вероники, Св. Елены, Св. Апостола Андрея и Св. Логгина, стоятъ по одной на каждомъ пилястрѣ и напоминаютъ о главныхъ святыняхъ, хранящихся здѣсь; это—полотенце Св. Вероники (Образъ Нерукотворенный), кусокъ Животворящаго Креста, найденный Св. Еленою, копье, которымъ

Св. Логгиномъ прободенъ былъ бокъ Спасителя, и голова Св. Апостола Андрея. Въ средніе вѣка паломники тысячами стремились въ Римъ для поклоненія этимъ святынямъ. Папа, въ бѣломъ подрясникѣ, является пѣшкомъ и, вмѣстѣ съ молящимися тамъ, поклоняется четыремъ главнымъ святынямъ, которыя и показываютъ съ балкона Св. Вероники. Во время поклоненія св. мощамъ въ соборѣ царила гробовая тишина, при мнѣ это въ первый разъ, и также безмолвно всѣ разошлись. Отъ Субботы передъ Вербнымъ Воскресеньемъ до Пасхи, всѣ художественныя произведенія, какъ краской, такъ и мозаикой, завѣшаны во всѣхъ церквахъ.

Въ Великую Субботу въ баптистеріи Латерана крестятъ всегда одного Еврея и одного идолопоклонника, а въ Сикстинской капеллѣ поютъ обѣдню Палестрини; но я не попала ни туда, ни сюда, а была въ нашей посольской церкви, гдѣ пріобщался братъ Иванъ.

У заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе (4-го Апрѣля) мы были въ нашей посольской церкви, гдѣ собралось неимовѣрное количество Русскихъ. Великая Княгиня, не имѣя въ своемъ отелѣ достаточно большихъ помѣщеній, чтобы вмѣстить всѣхъ представленныхъ ей Русскихъ, пригласила всѣхъ на разговливаніе въ помѣщеніе нашего посланника, гдѣ мы и встрѣтили нашъ праздникъ съ куличами, пасхами и яйцами. Отдохнувъ немного, мы съ братомъ отправились въ соборъ Св. Петра, гдѣ папа, съ кардиналомъ Антонелли, совершалъ обѣдню. Всѣ мѣста на трибунахъ, выстроенныхъ для церемоній Страстной недѣли и Св. Пасхи, были уже съ шести часовъ утра заняты неутомимыми Англичанами и Американцами, но во время обѣдни они поминутно падали въ обморокъ отъ страшной жары. Къ церемоніи выхода папы въ соборъ мы опоздали: онъ уже служилъ обѣдню. Сильное впечатлѣніе производятъ минуты причащенія папы. Онъ пріобщается и показываетъ молящимся чашу и остію; въ это время изъ верхней внутренней галереи купола Св. Петра хоръ трубачей заигралъ чудный церковный мотивъ, въ церкви полнѣйшая тишина, всѣ на колѣняхъ, минута величественная. Къ двѣнадцати часамъ мы взошли на балконъ правой колонады, чтобы оттуда видѣть папу, благословляющаго народъ. Вся площадь Св. Петра была покрыта Французскими войсками, съ ихъ главнымъ штабомъ во главѣ, жителями Рима, крестьянами, пріѣзжими, парадными экипажами посольствъ, сенаторовъ и кардиналовъ, словомъ, массой народа, которая образовала живописное зрѣлище. Одинъ пушечный выстрѣлъ и трезвонъ всѣхъ колоколовъ возвѣстили о наступленіи двѣнадцати часовъ. Папу на тронѣ вынесли на большой балконъ. При появленіи его водворилась мертвая тишина.

Звучнымъ голосомъ прочиталъ онъ короткую молитву, потомъ поднялся со своего трона и стоя благословилъ колѣнопреклоненный народъ.

Величественность этой минуты нельзя описать. Колокола вновь затрезвонили, и пушки салютовали съ крѣпости Св. Ангела. Папу внесли обратно, и всѣ разошлись и разъѣхались, чтобы вернуться опять къ 6-ти часамъ вечера, къ пышному освѣщенію собора Св. Петра. Проѣзжая послѣ пяти часовъ вечера по одной изъ улицъ по дорогѣ къ собору св. Петра, я вдругъ увидѣла его освѣщенный куполъ, возвышавшійся надъ рядомъ домовъ: это было поразительное зрѣлище. На темномъ небосклонѣ рѣзко выдѣлялись контуры купола, во всей ихъ художественной красотѣ. Отъ впечатлѣнія я не могла говорить. Доѣхавъ до площади передъ соборомъ, мы остановились, не выходя изъ экипажа. Видъ этой монументальной постройки глубоко врѣзался въ мою душу. Съ изумленіемъ поминаешь создателей такого величія искусства. При полномъ освѣщеніи, еще рѣзче чѣмъ днемъ, бросались въ глаза красота и гармоничность линій этого собора. Крестъ, вѣнчающій этотъ божественный храмъ, сіялъ далеко, далеко въ ночномъ небѣ. Рабочій, устраивающій илюминацію креста, всегда пріобщается въ этотъ день: до того опасна его задача. Въ 8 часовъ, вдругъ между всѣми колонами, и на углахъ крыши и стѣнъ всей церкви, до самаго креста, мгновенно зажглись громадныя смоляныя сковороды; эту перемѣну освѣщенія Итальянцы называютъ «Преображеніемъ». Городъ исчезъ въ ночной темнотѣ, одинъ соборъ сіялъ огненнымъ свѣтомъ. Я не могла оторваться отъ этого зрѣлища.

Итальянцы большіе любители фейерверковъ съ шумомъ и трескомъ. На второй день Пасхи всегда сжигается большой фейерверкъ; прежде его пускали изъ крѣпости Св. Ангела, но теперь, когда ее занимали Французскія войска, зрѣлище это перенесли на Монте-Пинчіо, противъ Піацпы-дель-Пополо. Монте-Пинчіо поднимается терассами на порядочную высоту и весь обросъ вѣчно-зелеными деревьями и кустами; паркъ этотъ, созданный Наполеономъ I-мъ, который, идучи завоевывать народы, пожелалъ украсить столицу папы, служить для жителей Рима любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Народъ собрался на Піацца-дель-Пополо, чтобы смотрѣть на жирандоли. Ровно въ 8 часовъ, шесть пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили о началѣ фейерверка, и одновременно съ этимъ съ Пинчіо на площадь спустился широкій огненный ручей, что всегда составляетъ начало и конецъ этого зрѣлища, и называется жирандола. За ней сжигали разныя огненныя изображенія и картины, взлетали ракеты, лягушки, шутихи, и чѣмъ больше было шума, тѣмъ довольнѣе оставался народъ. Послѣдняя кар-

тина была очень удачно освѣщена: большой крестъ съ гербомъ папы и иниціалами Сената; въ тоже время по воздуху летали райскія птицы, ракеты, летучія рыбы, и чего только тамъ не было, а шумъ и трескъ невообразимые. Затѣмъ съ Монте-Пинчіо потекла жирандола, а вокругъ обелиска, стоящаго посреди Піацца-дель-Пополо, закружились летучіе драконы, и посредствомъ воспламеняющейся нити зажглись смоляныя бочки, какъ дневнымъ свѣтомъ озарившія всю площадь съ народомъ.

Вечеръ мы провели у геніальнаго Корнеліуса. Сколько жизни еще въ этомъ старикѣ, сколько знаній! Въ этотъ вечеръ онъ былъ очень обрадованъ полученіемъ копіи съ письма Гёте, которое онъ считалъ потеряннымъ. Письмо помѣчено 8-го Мая 1811-го года, и Гёте выражаетъ въ немъ свое удовольствіе и одобреніе рисункамъ, составленнымъ Корнеліусомъ къ Фаусту и совѣтуетъ ему прилежно разсматривать рисунки Альбрехта Дюрера.

11-го Апрѣля. По правой сторонѣ Форума-Романума поднимаются высокія старинныя стѣны баснословной толщины, поддерживающія холмъ, на которомъ въ прежнія времена возвышались дворцы цезарей. По исчезновеніи ихъ и развалинъ, папа Павелъ III-й приказалъ развести на этомъ холмѣ садъ, получившій названіе *Фарнезіанскаго*. Впослѣдствіи этотъ садъ перешелъ въ собственность короля Неаполитанскаго, который, къ великому негодованію Римлянъ, перевезъ всѣ сокровища, украшавшія его, въ Неаполь. Фарнезіанскій садъ пришелъ въ упадокъ, и большая часть его превращена въ поле, гдѣ разводятъ артишоки. Отъ колоссальныхъ дворцовъ, видны только развалины трехъ комнатъ, которыя учеными изслѣдователями обозначаются, какъ помѣщенія цезарской библіотеки. Съ выступа около нихъ открывается обширный видъ на Форумъ-Романумъ, съ Капитоліемъ позади. Глядя на развалины храма Юпитера, Веспасіана, Сатурна, на тріумфальную арку Септима Севера, и сравнивая ихъ съ постройками послѣдовавшихъ вѣковъ, кажется, что эти гиганты, своими колоссальными размѣрами, уничтожаютъ все, что̀ ихъ окружаетъ.

Недалеко̀ отъ городскихъ воротъ di S. Spirito, на холмѣ Janiculus стоитъ церковь Св. Онуфрія съ Доминиканскимъ монастыремъ. При входѣ въ церковь, (внутри) по лѣвой сторонѣ отъ дверей, на полу лежитъ каменная плита, обозначающая мѣсто, гдѣ, до прошлаго 1857-го года, покоились бренные останки несчастнаго поэта Торквато Тассо. Въ монастырѣ показываютъ (только не дамамъ) келью, въ которой жилъ Торквато Тассо; въ ней стоятъ деревянный столъ, стулъ

и кровать. Мой братъ входилъ въ нее и говорилъ мнѣ, что въ ней все очень просто, но что изъ окна чудный видъ *) на Римъ, какъ и изъ сада, окружающаго монастырь, куда мы ходили смотрѣть дубъ, подъ которымъ сиживалъ поэтъ.

13-го Апрѣля. Молодые Русскіе художники устроили въ Римѣ выставку своихъ работъ, на которой было много хорошаго; назову: Итальянскій Бандитъ, поясная картина Худякова, жанры Бронникова, Монахъ и Албанка, два очень хорошихъ вида Рыбинскаго, два эскиза деревьевъ изъ Албано, Сухово-Кобылиной, сцена Римскаго карнавала Ксенофонтова, и многія другія хорошія вещи, но безъ имени художника. «Благовѣщеніе» Сорокина можно назвать менѣе удачной картиной, такъ какъ святость минуты теряется въ современномъ характерѣ всей картины. Но въ общемъ надо сказать, что выставка нашихъ художниковъ куда лучше бывшей незадолго передъ тѣмъ выставки Итальянскихъ художниковъ—нельзя сравнить.

14-го Апрѣля. Вечеромъ я много играла. Былъ между прочими баронъ Гакстгаузенъ, котораго я нѣсколько разъ встрѣчала; онъ много писалъ о Россіи, и односторонне (иначе и не можетъ быть).

Великая княгиня Елена Павловна пригласила меня на вечеръ, гдѣ я была представлена герцогинѣ Гамильтонъ, дочери гросъ-герцогини Стефаніи Баденской; были герцогъ де Граммонъ, Амперъ, Гакстгаузенъ, Мальтійскій генералъ Готци и нѣсколько Русскихъ. Гакстгаузенъ забавно разсказывалъ исторіи о привидѣніяхъ, что̀ мало согласовалось съ серіознымъ и интереснымъ разговоромъ Ампера.

18-го Апрѣля. Въ этотъ вечеръ играли сестры Ферри, скрипачки въ родѣ сестеръ Миланолло, которыхъ я еще совсѣмъ молодой слыхала въ Веймарѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ играли на улицахъ въ Сѣверной Италіи, гдѣ тогда жили; вотъ почему нельзя отъ нихъ требовать ни художественнаго пониманія, ни художественнаго исполненія; но все, что̀ онѣ играли, было исполнено чисто и отчетливо, смычокъ у нихъ широкій и звучный, одна изъ нихъ ведетъ его легче, чѣмъ другая, а вмѣстѣ онѣ играютъ точно одинъ смычокъ, а не два. Слыша подобныхъ «Wunderkinder,» мнѣ всегда дѣлается грустно за искусство, которое становится предметомъ торговли; публика не разбираетъ и поддерживаетъ это направленіе. Вскорѣ (1-го Мая) я опять ихъ слышала и подтверждаю, что чистота и ensemle у нихъ безукоризнены. Одна изъ нихъ играла варіаціи на Швейцарскую

*) Гоголь находилъ, что этотъ видъ схожъ съ видомъ, который открывается на Москву, когда стоишь на вышкѣ Румянцовскаго Музея. П. Б.

тему, другая—варіаціи на Австрійскій народный гимнъ; вмѣстѣ онѣ играли прелюдъ (до-мажёръ) I. С. Баха и арію Страделлы «Pieta, Signore»; казалось, слышишь одну, а не двѣ скрипки. На этотъ разъ публика осыпала ихъ цвѣтами, вѣнками, букетами, сонетами, словомъ, онѣ нашли себѣ почву въ Римѣ.Въ третій разъ я ихъ слышала (10-го Мая) у Великой Княгини. Кажется, жизнь имъ не улыбалась: онѣ горько жаловались на участь артиста и на злоупотребленія его талантомъ для наживы. Онѣ держали себя очень просто, но у нихъ есть чувство собственнаго достоинства.

Пріѣзжіе въ Римѣ считаютъ своимъ долгомъ взойти на куполъ Св. Петра (что̀ совсѣмъ не такъ легко, какъ можно было бы подумать), потому что только при этомъ восхожденіи получаешь ясное понятіе о громадности размѣровъ этого храма. Первыя приблительно сто двадцать ступеней очень широки, такъ широки, что на каждой изъ нихъ приходится дѣлать по три шага. Эта лѣстница ведетъ на первую платформу собора, на ту лоджію, откуда папа благословляетъ народъ, а такъ какъ его несутъ туда на тронѣ, то понятно, что ступени такъ широки. По стѣнамъ этой лѣстницы вложены плиты, съ именами тѣхъ папъ, по приказанію которыхъ въ соборѣ сдѣланы улучшенія или перестройки, а также имена царствующихъ лицъ, поднимавшихся въ конечный шаръ подъ крестомъ Св. Петра, куда ведутъ 486 менѣе широкихъ ступеней, и наконецъ веревочная лѣстница. Эти 486 ступеней идутъ параллельно съ внутреннимъ куполомъ церкви и съ этой лѣстницы можно взойти на двѣ галлереи, построенныя внутри купола; когда смотришь съ этихъ галлерей на внутренность церкви, ясно обнаруживаются громадные размѣры подробностей этого храма, которые, вслѣдствіе соразмѣрности всей постройки, не поражаютъ зрителя при обыкновенномъ осмотрѣ церкви. На видъ храмъ какъ будто только что оконченъ, такъ какъ (онъ выстроенъ изъ неизмѣняющагося мрамора, а образа сдѣланы изъ мозаики) при малѣйшей трещинѣ или порчѣ, неотлагательно поправляютъ, и такимъ образомъ храмъ всегда поддерживается въ безукоризненномъ состояніи и избѣгаются большіе ремонты. Мы недаромъ утомились, поднимаясь на храмъ, такъ какъ видъ на окрестности Рима оттуда прелестный.

25-го Апрѣля. Вечеромъ послѣ десяти часовъ мы отправились въ Колизей, чтобы видѣть его при лунномъ свѣтѣ. Въ это время улицы Рима точно вымерли; только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, освѣщенныхъ газомъ, замѣчалось еще небольшое движенье, но тамъ, гдѣ въ фонаряхъ печальный свѣтъ масляныхъ лампъ, вездѣ царитъ мертвая тишина; даже собаки точно попрятались куда-то. Мрачно, точно привидѣ-

нія, возвышались гигантъ Колизей и развалины Форума - Романума. Насъ окружала гробовая тишина, было жутко. Одно только голубое небо, усѣянное безчисленными звѣздами, напоминало намъ, что есть жизнь на небосклонѣ, откуда луна поражаетъ насъ своимъ чарующимъ серебристымъ блескомъ.

10-го Мая, послѣ музыкальнаго вечера у великой княгини Елены Павловны, я откланялась ея высочеству, которая уѣзжала въ Ниццу. Никогда не забуду, какъ Великая Княгиня старалась развлечь меня послѣ моего горя. Она еженедѣльно приглашала меня на свои вечера, гдѣ бывала музыка, разговоры, часто бывали Тургеневъ и Амперъ; интересно было слушать разсказы послѣдняго.

15-го Мая. Насталъ послѣдній день нашего пребыванія въ Римѣ. Поклонилась я праху дорогого брата и обняла на прощаніе Ивана, который на другое же утро отправлялся изъ Рима во Фраскати, для рисованія съ натуры. Мы въ послѣдній вечеръ отправились черпать и пить воду изъ фонтана Треви. Преданіе гласитъ, что всякій, кто, покидая Римъ, на прощанье напьется воды изъ фонтана Треви, тотъ непремѣнно вернется въ вѣчный городъ.

Въ моемъ пребываніи въ Римѣ была и душевная скорбь и радость. Благодарю Бога за радости, ниспосланныя мнѣ Его святой волей.